

Гастроли Листа в Москве

Весной 1843 года Москву посетил знаменитый композитор Франц Лист. Он приехал к концу сезона. В ту пору государственным театрам управлял автор оперы «Аскольдова могила» А. Н. Верстовский. Сборы в театрах были слабые. И когда Листу отказались сдать для выступлений Колонный зал, Верстовскому было приятно удовлетворить просьбу композитора — предоставить ему зал Большого театра.

Он, однако, предложил довольно тяжёлые условия: все три концерта давать пополам с дирекцией или же из трёх концертов вто-

Франц Лист. С портрета работы художника Эжена Девея.

рой отдать в пользу дирекции. Лист согласился: выхода не было.

Первый концерт состоялся в апреле. Успех был огромный. Но в начале вечера разыгрался любопытный эпизод. За Листом на сцену прошла группа людей под предводительством московских аристократов: Алексея Голицына, Долгорукова, Булгакова, Васильева. Они не получили мест в первых рядах и решили остаться на сцене. С большим трудом Верстовский выпроводил их и рассадил в 13-м ряду партера.

Остальные концерты прошли так же успешно. Лист дал слово играть между водевилем и драмой в утреннем «полубенефисе» актёра Усачёва и собрал столько слушателей, сколько до того в Москве ещё не бывало на утренниках. Он хотя несколько запоздал, но зато сыграл три пьесы, из-за чего затянулся спектакль. Перед выступлением Лист был на концерте цыган и под обаянием неведомых ему ранее песен в одной из пьес экспромтом исполнил превосходную фантазию на цыганские мотивы, которую слушатели приняли с восторгом.

«Лист Москву свёл с ума, — вспоминал один из современников, — играет везде и для всех. В публичных и частных концертах. Не далее как во вторник ка-

кое-то филармоническое общество в лютеранской кирке, никого не спросив, давало вечерний концерт, в котором хотя и не покупали билетов, но при входе продавали программы некоторых кантов по 10 рублей за экземпляр, без чего, однако, никого не впускали, и на этом Листу собрали более 13 тысяч рублей серебром».

«Я не помню ни одного из артистов в Москве, которого бы сразу так полюбили, — писал Верстовский. — Зато концерты его увеличили фалангу моих врагов. Московские боярыни и барыни под предводительством Сениной и других сделали на меня утреннее нападение, от которого я насилу отвертелся. И письмами и изустными посольствами через полицию принудили поставить им тридцать или сорок кресел на сцене. Такая небывалая и, по моему, смешная выдумка заставила меня, сколько можно, ожидать их, что поставить кресла на сцене, когда оставались ещё места в первом ряду и в амфитреатре, я не вижу надобности, да и не знаю, как принять это нововведение, которое сопряжено ещё с тем риском, за который поручиться нельзя, что при появлении из-за кулис какой-нибудь из дам в зал, им в райке могут захопнуть. Резоны не помогли! Дамы приступом шли на батарею. Разъярённая ватага щетинилась и жаловалась московскому генерал-губернатору Голицыну...»

«После многих «прощальных» был назначен «совершенно последний» концерт. Восторг московских дилетантов доходил до высшей степени. Нынешний раз цветы летели, чуть-чуть не горшками, из всех ярусов, лож, и рядов, и кресел! Но только странна судьба этой цветочной славы! Сколько я мог заметить, большая часть огромных букетов летела более всего на голову старого генерала Горчакова и, кажется, на Толбузина. Я думаю, что во все их походы над их головами не летело столько пуль и не бросали им столько лавров, сколько в концерте Листа досталось им резеды и розанов. Листу беспрестанно кланялись, и они вертелись на стульях, охраняя себя от перепалки дамской признательности. Не знаю, чествовали ли Листа где-нибудь так, как в Москве? Редкий не запасся его бюстом или портретом. Из последних дней не проходило почти ни одного, чтобы не давали ему праздника, официального обеда или пикника».

Так закончились московские гастроли умершего 60 лет назад Франца Листа.

Я. КОВИЧ